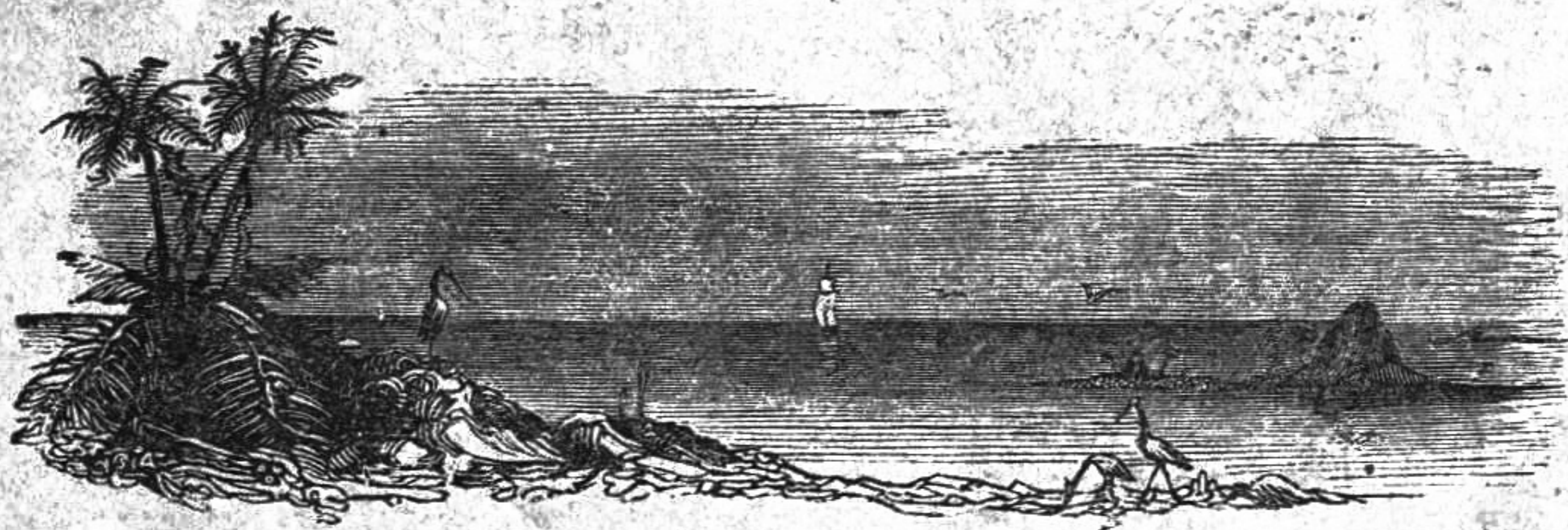

ЧИГИРИНСКІЙ
КОВЗАРЬ

II

ГАЙДАМАКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ЧИГИРИНСКІЙ КОБЗАРЬ

И

ГАЙДАМАКЫ.

ЧИГИРИНСКІЙ КОБЗАРЬ

И

ГАЙДАМАКЫ.

ДВѢ ПОЭМЫ НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ,

Т. Г. Шевченка.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ Картинкою.

Пишовъ Кобзарь по улици—
Съ журбы якъ заграе!
Кругомъ хлопци навпршѣнки,
А винъ вымовляє:
„Нехай буде оттакички!“

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 27 Февраля 1843 года.

Ценсоръ *П. Корсаковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Х. ГИНЦЕ.

I.

Думы мои, думы мои,
Лыхо мени зъ вами!
На що стали на папири
Сумными рядами?...
Чомъ васъ витерь не розвіявъ
Въ степу, якъ пылыну?
Чомъ васъ лыхо не прыспало,
Якъ свою дытыну?...

Бо васъ лыхо на свить на смихъ породило,
 Польшвалы сльозы... чомъ не затопылы,
 Не вынеслы въ море, не розмылы въ поли?..
 Не пытамы бѣ, люды—що въ мене болыть?
 Не пытамы бѣ, за що прокльнаю долю,
 Чого нужу свитомъ? — «Ничого робыть»
 Не сказалыбѣ на смихъ...

Квиты мои, диты!

На що васъ кохавъ я, на що доглядавъ?
 Чы заплаче сердце одно на всимъ свити,
 Якъ я зъ вами плакавъ?.. Може и вгадавъ...
 Може найдетця дивоче
 Серце, кари очи,
 Що заплачуть на си думы —
 Я билше не хочу...
 Одну сльозу зъ очей карыхъ —
 И... панъ надъ панами!...

Думы мои, думы мои!
 Лыхо жъ мени зъ вами!...

За каріи очынята,
За чорніи бровы
Серце рвалося, сміялось,
Выливало мову,
Выливало, якъ умило,
За темніи ночи,
За вышневыи садъ зеленый,
За ласкы дивочы...
За степы, та за могылы,
Що на Украини
Серце мило, не хотило
Спивать на чужыни.....
Не хотилось въ снігу, въ лиси,
Козацку громаду
Зъ булавами, зъ бунчуками
Збирать на пораду..
Нехайі души козацкіи
Въ Украини витають —
Тамъ широко, тамъ весело
Одъ краю до краю....
Якъ та воля, що минулась,
Днипръ широкий — море,
Степъ и степъ, ревуть пороги,
И могылы — горы, —

Тамъ родылась, гарцювала
Козацкая воля ;
Тамъ Шляхтою, Татарамы
Засивала поле ,
Засивала трупомъ поле ,
Поки не остыло...
Лягла спочыть... а тымъ часомъ
Выросла могила,
А надъ нею Орель чорный
Сторожемъ литае
И про неї добрымъ людямъ
Кобзари співають,
Все співають, якъ діялось,
Слипи небораки, —
Бо дотепни... А я,... а я
Тільки вмію плакати,
Тільки слезы за Україну,...
А слова — не має...
А за лихо—.... Та цуръ йому !
Хто його не знає!....
А зато, той, що дывытця
На людей душою —
Пекло йому на симъ свити,
А на тимъ...

Журбою

Не наклыву собі доли,
Колы такъ не маю.
Нехай злыдни жывуть тры дни —
Я ихъ заховаю,
Заховаю змію люту
Коло свого серця,
Щобъ ворогы не бачылы,
Якъ лыхо сміетця...
Нехай думка, якъ той воронъ,
Литае, та кряче,
А серденько соловейкомъ
Щебече, та плаче
Нышкомъ — люды непобачуть,
То й не засміетця...
Не втырайце жъ мои сльозы,
Нехай собі лютця,
Чуже поле полывають
Що дня и що ночи,
Поки попы... не засыплють
Чужымъ пяскомъ очи...
Оттаке-то... а що робыть!
Журба не поможе.

Хто жъ сироти завидуе —
Карай того, Боже!

Думы мои, думы мои,
Квиты мои, диты!
Выроставъ васъ, доглядавъ васъ —
Дежъ мени васъ диты?...
Въ Украину идить, диты!
Въ нашу Украину,
По пидъ тыню, сиротамы,
А я — тутъ загыну.
Тамъ найдете щыре сердце
И слово ласкаве,
Тамъ найдете щыру правду,
А ще, може, й славу...

Прывитай же, моя ненько!
Моя Украина!
Моихъ дитокъ не розумныхъ,
Якъ свою дытну.

II.

ПЕРЕБЕНДЯ,

Перебендя старый, слепой —
Хто його не знае!

Винь усюды вештаетця,
Та на кобзи грае, —
А хто грае, того знають
И дякують люды.

Винь имь тугу розганяе,
Хоть самь свитомь нудыть.

Попидьтыню сиромаха
И днюе й ночуе,
Нема йому въ свити хаты;
Недоля жартуе

Надъ старою головою, —
А йому байдуже:

Сяде соби, заспивае —
«Ой не шумы, луже!»

Заспивае, тай згадае,

Що винъ сиротына,
 Пожуритця, посумуе,
 Сыдячы пидъ тыномъ.

Оттакый-то Перебендя,
 Старый, та хымерный:
 Заспивае про Чалого,
 На Горлицю зверне;
 Зъ дивчатамы, на выгони,
 Грыця та веснянку,
 А у шынку, зъ парубкамы
 Сербына, шынкарку;
 Зъ жонатымы на бенкети
 (Де свекруха злая),
 Про тополю-лыху долю,
 А потимъ — у гаю;
 На базари про Лазаря;
 Або, щобъ те зналы,
 Тяжко, важко заспивае
 Якъ Сичь руйновалы. —
 Оттакый-то Перебендя,
 Старый, та хымерный:
 Заспивае — засміетця,
 А на слезы зверне.

Витеръ віе, повивае,
 По полю гуляє —
 На могили Кобзарь сыдыть,
 Та на кобзи грае;
 Кругомъ його степь, якъ море
 Широке, сыніе,
 За могилою — могила,
 А тамъ — тилько мріе. —
 Билый усъ, стару чупрыну
 Витеръ розвивае,
 То прыляже, та послуха,
 Якъ кобзарь спивае,
 Якъ серце сміетця, слипи очи плачуть —
 Послуха, ... повіе...

Старый заховавсь
 Въ степу, на могили, щобъ ништо не-
 бачывъ,
 Щобъ витеръ по полю слова размахавъ,
 Щобъ люды не чулы — бо то Боже слово,
 То серце по воли зъ Богомъ розмовля,
 То серце щибече Господнюю славу...
 А думка край свита на хмари гуля
 Орломъ сызокрылымъ литае, шыряе,

Ажъ небо блакытне шырокымы бье,
 Спочыне на сонци, його запытае —
 Де воно ночуе? — Якъ воно встае? —
 Послухае моря що воно говорить? —
 Спыта чорну гору — чого ты нима? —
 И знову на небо, бо на земли горе,
 Бо на ій, шырокій куточка нема
 Тому хто все знае, тому, хто все чуе:
 Що море говорить, де сонце ночуе —
 Його на симъ свити ніхто непрыйма:
 Одынъ вынъ межъ ными, якъ сонце високе;
 Його знають люды—бо носыть земля....
 А якъ бы почулы що винъ, одынокый,
 Спива на могыли, зъ моремъ розмовля—
 На Божее слово вони бъ насміялысь,
 Дурнымъ бы назвали, одъ себе прогналы:
 Нехай по надъ моремъ, сказалыбъ, гуля.

Добре еси, мій Кобзарю!
 Добре, батьку, робышь,
 Що спиваты, розмовляты
 На могылу ходышь!
 Ходы собі, мій голубе,
 Поки не заснудо

Твое сердце, та выпивуй
 Щобъ людѣ не чулы:
 А щобъ тебе не цуралысь —
 Потурай имъ, брате!...
 Скачы, вреже, якъ панъ каже —
 На те винъ богатый. —

Оттакый-то Перебендя
 Старый, та химерный:
 Заспивае весильной,
 А на журбу зверне.

III.

Т О П О Л Я.

По диброви витеръ вые,
 Гуляе по полю,
 Край дороги гне тополю
 До самого долу. —

Станъ высокій, лысть широкій
На що зеленіє ?

Кругомъ поле, якъ те море
Широке, синіє.

Чумакъ иде, подывытця
Та й голову схылыть,
Чабанъ вранци зъ сопилкою
Сяде на могыли,
Подывытця — сердце ные :
Кругомъ ни былыны : —
Одна, одна, якъ сырота
На чужыни, гыне !

Хто жь выкохавъ тонку, гнучку
Въ степу погыбаты ?
Пострывайте — все роскажу.
Слухайте жь, дивчата !

Полюбыла чорнобрыва
Козака дивчына.
Полюбыла — не спыныла :
Пишовъ — та й загынувъ....
Якъ бы знала, що покыне —
Було бь не любыла ;

Якъ бы знала, що загине —
 Було бъ не пустыла;
 Якъ бы знала — не ходыла бъ
 Пизно за водою,
 Не стояла бъ до пивночи
 Зъ мылымъ пидъ вербою;
 Якъ бы знала!...

И то лыхо —

По переду знаты,
 Що намъ въ свити зостринетця...
 Не знайте, дивчата!
 Не пытайте свою долю!....
 Само сердце знае
 Кого любить: нехай вьяне,
 Поки закопають, —
 Бо не довго, чорноброви!
 Кари очынята,
 Биле лычко червоніе —
 Недовго, дивчата!
 До полудня, та й завьяне,
 Бровы полыняють —
 Кохайтеся жъ, любитеся,
 Якъ серденько знае.

Защебече соловеїко
 Въ лузи на калыни,
 Заспиває козаченько,
 Ходя по долини, —
 Спива собі, помы выйде
 Чернобрыва зъ хаты —
 А винъ їи запытає:
 — Чы не была маты? —
 Стануть собі, обіймутця —
 Спива соловеїко:
 Послухають, розійдутця,
 Обое раденьки...
 Нихто того не побачыть,
 Нихто не спытає:
 — Де ты була, що робыла? —
 Сама собі знає...
 Любылася, кохалася,
 А серденько млило —
 Воно чуло недоленьку,
 А сказать не вмило;
 Несказало — осталася,
 День и нічь воркує,
 Якъ голубка безъ голуба, —
 А нихто не чує...

Не щибече соловейко
 Въ лузи надъ водою,
 Не співає чорнобрыва,
 Стоя пидъ вербою,
 Не співає, — якъ сирота,
 Билымъ свитомъ нудыть:
 Безъ милого батько, маты
 Якъ чужіи люды,
 Безъ милого сонце свитыть —
 Якъ ворогъ сміетця,
 Безъ милого скризь могыла,....
 А серденько бьетця.

Мынувъ и рикъ, мынувъ другый --
 Козака не мае:
 Сохне вона, якъ квіточка;
 Нихто не пытае:
 — Чого вянешь, моя доню? —...
 Маты не спытала,
 За старого, багатого
 Ныщечкомъ еднала.
 — Иды доню, каже маты,
 Не викъ дивуваты!
 Винъ багатый, одынокый —

Будешь пануваты.—

— Не хочу я пануваты,

Не пяду я мамо!

Рушныкамы, що прыдбала,

Спусты мене въ яму;

Нехай попы заспивають,

А дружкы поплачуть —

Легше мени въ труни лежать,

Якъ його пѣбачыть. —

Не слухала стара маты,

Робыла що знала —

Все бачыла чорнобрыва,

Сохла и мовчала.

Пишла въ noci до ворожки,

Щобъ поворожыты —

Чы довго іі на симъ свити

Безъ мылаго жыты?...

— Бабусенько, голубонько,

Серце мое, ненько

Скажы мени щыру правду —

Де мылуй-серденько?

Чы живъ-здоровъ, чы винъ любить?

Чы забувъ-покынувъ?

Скажи жъ мени — де мій мылий ?
Край свита полыну !
Бабусенько, голубонько !
Скажи, колы знаешъ....
Бо выдае мене маты
За старого замжъ.
Любыть його, моя сыза !
Серце не навчыты :
Пишлабъ же я утопылась —
Жаль душу згубыты....
Колы не живъ чорнобрывый,
Зробы, моя пташко !
Щобъ до дому не вернулась....
Тяжко мени, тяжко !
Тамъ старый жде съ старостамы...
Скажи жъ мою долю. —
— Добре, доню ! Спочынь трошкы, —
Чиныжъ мою волю.
Сама колысь дивувала —
Тее лыхо знаю ;
Мынулося — навчылася :
Людыамъ помагаю.
Твою долю, моя доню !
Позаторикъ знала ,

Позаторикъ и зиллячка
Для того придбала. —
Пишла стара, мовь каламарь,
Достала съ полыци.
— Ось на тоби сього дыва.
Пиды до крыныци,
Поки пивви не спивалы,
Умыйся водою,
Выпый трошкы сього зилля,
Все лыхо загонть.
Выпьешь — бижы, яко мога;
Щобъ тамъ ни крычало,
Не оглянсья, поки станешь
Ажъ тамъ, де прощалась.
Одпочынешь; а якъ стане
Мисяць середъ неба
Выпый ще разъ; не приде —
Въ третъ выпить треба.
За першый разъ, якъ за той рикъ,
Будешь ты такою;
А за другый, середъ степу
Тупне кинь ногою —
Колы жывый козаченько,
То заразъ прыбуде.....

А за третій, моя доцю!
 Не пытай що буде.....
 Та ще, чуешь, не хрестыся —
 Бо все пиде въ воду....
 Теперъ же йды, подывыся
 На торишню вроду. —

Взяла зилля, поклоньлась,
 — Спасыби, бабусю! —
 Выйшла зъ хаты — чы йты, чы ни?...
 Ни! вже не вернуся! —
 Пишла.... Вмылась, напылася,
 Побигла, та й стала,
 Вдруге, втретъ, та мовъ сонна
 Въ степу заспывала:

«Плавай, плавай, лебедонько!
 По сыньому морю—
 Росты, росты, тополенько!
 Все въ гору, та въ гору,
 Росты тонка, та висока,
 До самой хмары, —
 Спытай Бога, чы диждуся,
 Чы не дижду пары?»

Рости, рости, подывся
 За сине море —
 По тимъ боци — моя доля,
 По симъ боци — горе.
 Тамъ десь мый, чорнобрыый
 По полю гуляе,
 А я плачу, лита трачу,
 Його выглядаю.
 Скажи йому, мое сердце!
 Що сміютця люды,
 Скажи йому, що загну,
 Коли не прыбуде!
 Мене маты сама хоче
 Въ землю заховаты....
 А хто жь їи головоньку
 Буде доглядаты?
 Хто догляне, роспытае,
 На старисть поможе!
 Мамо моя!... доле моя!...
 Боже мый, Боже!...

 Подывся, тополенько!
 Якъ нема, заплачешь,
 До схида сонця, ранисицько,
 Щобъ ни хто не бачывъ....

Росты жъ, сердце-тополенько
 Все въ гору, та въ гору;
 Плавай, плавай, лебедонько!
 По сыньому морю.»

Таку пісню чернобрыва
 Въ степу заспівала....
 Зилля дыва наробыло —
 Тополею стала,
 Не вернулася до дому,
 Не диждала пары —
 Тонка, тонка, та висока,
 До самои хмары.

По диброви витерьъ вые,
 Гуляе по полю,
 Крайі дороги гне тополю,
 До самого долу.

IV.

ДУМКА.

На що мени чорны бровы,
На що кари очи,
На що лита молодны,
Весели, дивочи!...
Лита мои молодны
Марно пропадають,
Очи плачуть, чорны бровы
Одъ витру лыняють;
Серце вяне, нудыть свитомъ,
Якъ пташка безъ воли —
На що жь мени краса моя,
Колы нема доли!
Тяжко мени сыротою
На симъ свити жыты —
Свои люды якъ чужіи:
Ни съ кымъ говориты
Нема кому роспытаты —

Чого плачуть очи?
Нема кому розказати —
Чого серце хоче,
Чого серце, якъ голубка,
День и ничь воркуе; —
Нихто його не пытае,
Не знае, не чуе.
Чужи люди не спытають —
Та й на що пытаты!
Нехай плаче сиротына,
Нехай лита тратыть! —
Плачь же, серце! плечте, очи!
Поки не заснули,
Голоснише, жалобнише,
Щобъ витры почулы,
Щобъ понеслы, буйнесеньки,
За сынее море
Чорнявому, зрадльвому,
На лютее горе.

V.

ДО УКРАИНСКОГО ПЫСАКЫ.

Бьють пороги, місяць сходять,

Якъ и перше сходывъ —

Нема Сичи, пропавъ и той,

Хто всимъ верховодывъ,

Нема Сичи — очереты

У Днипра пытають :

«Де-то наши диты дилысь?»

Де вони гуляють?»

Чайка скиглыть, летаючи,

Мовъ за дитьмы плаче,

Сонце гріе, витерьъ віе

На степи козачій.

На тій степи скризь могылы

Стоять, та сумують —

Пытаютця у буйного :

«Де наши панують?»

Де панують, бенкетують ?

Де вы забарылысь?...
 Вернитесь! — Дывитесь,
 Жытá похылылысь,
 Де паслыся ваши кони,
 Де Тырса шумила,
 Де кровь Ляха, Татарына
 Моремъ червонила —
 Вернитесь!» —

• • • • •

• • • • •

• • • • •

• • • • •

• • • • •

Слава не поляже;
 Не поляже, а роскаже,
 Що діялось въ свити,
 Чья правда, чья кривда
 И чьи мы диты. —
 Нашъ завзятый Головатый
 Не вмере, не загине:
 Отъ де, люды, наша слава,
 Слава Украины, —

Безъ золота, безъ каминю,
 Безъ хытрои мовы,
 А голосна, та правдыва,
 Якъ Господа слово... —
 Чы такъ, батьку-Отамане?
 Чы правду спиваю? —
 Эхъ! Якъ бы то... Та-що й казать! —
 Кебеты не маю.

.

— Не потурай! — Може скажешь —
 Та що зъ того буде?

Насміютця на псаломъ той,
 Що вылью сльозамы,
 Насміютця!... Тяжко, батьку!

.

Поборовсябъ,
 Якъ бы малось силы;
 Заспивавъ бы — бувъ голосокъ, —
 Та позычки ззили...

Оттаке-то лыхо тяжке
 Батьку ты мій, друже!
 Блужу въ снигахъ, та самъ соби:
 «Ой не шумы, луже!»

Не втну бильше — а ты, батьку!
 Якъ самъ здоровъ знаешь,
 Тебе люди поважають,
 Добрий голосъ маешь —
 Спивай же имъ, мій голубе!
 Про Сичь, про могылы —
 Коли яку насыпалы,
 Кого положиы,
 Про старыну, про те дыво,
 Що було, мынуло:
 Утны, батьку! щобъ нехотя
 На весь свить почулы,
 Що діялось въ Украини,
 За що погыбала,
 За що слава Козацкая
 На всьмъ свити стала. —

 Утны, батьку, орле сязий!
 Нехай я заплачу,
 Нехай свою Украину
 Я ще разъ побачу,
 Нехай ще разъ послухаю,
 Якъ те море грае,

Якъ дивчына пидъ вербою
 Грыця заспивае;
 Не хай ще разъ усмихнетця
 Серце на чужыни,
 Поки ляже въ чужу землю,
 Въ чужій домовыни.

VI.

ИВАНЪ ПИДКОВА.

В. И. ШТЕРНБЕРГУ.

1.

Було колысь въ Украини,—
 Ревили гарматы;
 Було колысь — Запорожци
 Вмилы пановаты,
 Пановалы, добувалы
 И славу и волю —
 Мынулося—осталыся

Моги́лы по полю.
 Высокіи ти моги́лы,
 Де лягло спочыты
 Козацкее биле тило,
 Въ кытайку повыте;
 Высокіи ти моги́лы, —
 Чорніють, якъ горы,
 Та про волю нышкомъ въ поли
 Зъ витрамы говорятъ;
 Свидокъ славы, дидывщыны
 Зъ витромъ розмовляє,
 А внукъ косу несе въ росу,
 За нымы спивае.

Було колысь въ України —
 Лыхо таньцовало,
 Журба въ шынку медъ, горилку
 Поставцемъ кружала,
 Було добре колысь жыты
 На тій Україні —
 А згадаймо, може серце
 Хоть трошкы спочыне.

Чорна хмара зъ за Лыману,
Небо сонце крѣе,
Сынъ море звирюкою
То стогне, то вѣе,
Днипра гырло затопыло....
— А нуте, хлопьята,
На байдакы! Море грае —
Ходимъ погуляты! —

Высыпалы Запорожци,
Лыманъ човны вкрылы.
«Грай же, море!» заспивалы.
Запинылысь хвыли,
Кругомъ хвыли, якъ ти горы,—
Ни земли, ни неба.
Серце мліе, — а козакамъ
Того тилько й треба, —
Плывуть соби, та спивають;
Рыбалка литае,
А попереду Отаманъ
Веде, куды знае;
Похожае вздовжъ байдака,

Гасне люлька въ роти ;
Поглядае сюды-туды —
Де-то быть роботя ?
Закрутивши чорни усы ,
За ухо чупрыну ,
Пиднявъ шапку — човны стали.
— Нехай ворогъ гыне !
Не въ Сынопу , Отаманы ,
Панове — молодци !
А у Царьградъ до Султана
Пойидемо въ гости. —
— Добре, батьку-Отамане ! —
Кругомъ заревило.
— Спасыби вамъ ! — Надивъ шапку.
Знову закъпило
Сынѣ море. Вздовжъ байдака
Знову похожае
Панѣ Отаманѣ , та на хвылю
Мовчки поглядае.

VII.

ТАРАСОВА НИЧЬ,

На роспутти Кобзарь сыдыть,
Та на кобзи грае,
Кругомъ хлопци, та дивчата,
Якъ макъ росцвитае.
Грае Кобзарь, прыспивуе,
Вымовля словами,
Якъ Москали, Орда, Ляхы
Былысь съ Козаками,
Якъ сбиралася громада
Въ недиленьку вранци,
Якъ ховалы козаченька
Въ зеленимъ байраци, —
Грае Кобзарь, прыспивуе,
Ажъ лыхо сміетця....

• • • • •
• • • • •

«Встае хмара зъ за Лыману ,
 А другая зъ поля :
 Зажурылась Украина —
 Така ей доля !
 Зажурылась, заплакала ,
 Якъ мала дытына —
 Нихто ей не ратуе !
 Козачество гине ,
 Гине слава, батькившина ,
 Немае де дитысь ,...
 Вырастають не хрешени
 Козацкіи диты ,
 Кохаютьця не винчани ,
 Безъ попа ховають ,
 Запродана жыдамъ вира ,
 Въ церкву не пускають !...
 Якъ та галычъ поле крме ,
 Ляхы налитають ,
 Налитають — не ма кому
 Порадонькы даты.
 Обизвався Налывайко —
 Нестало кравчыны !...
 Обизвавсь козакъ Павлюга , —
 За нею полынувъ.

Обизвався Тарасъ Трясыло
 Гиркымы сльозамы :
 «Бидна моя Украино
 Стоптана Ляхамы!»

• • • • •
 • • • • •
 • • • • •
 • • • • •

Обизвався Тарасъ Трясыло
 Виру ратуваты,
 Обизвався орель сызый —
 Та й давъ Ляхамъ знаты!
 Обизвався панъ Трясыло :
 — А годи журытця!
 А ходимъ лышь, паныбраты!
 Зъ Полякамы бытьця! —

Вже не тры дни, не тры ночи
 Бьетця панъ Трясыло —
 Одъ Лымана до Трубежу
 Трупомъ поле крылось....
 Изнемигся Козаченькс,

Тяжко зажурывся....
 А поганый Конець-Польскый
 Дуже звеселвся :
 Зибравъ шляхту всю до купы ,
 Та й ну частоваты.
 Зибравъ Тарасъ козаченькивъ
 Порады прохаты :
 — Отаманы-товарыши ,
 Браты мои, диты !
 Дайте мени пєрадоньку , —
 Що будемъ робыты ?....
 Бенкетують вражи Ляхы
 Наше безголовья !...
 — Нехай соби бенкетують ,
 Нехай на здоровья !
 Нехай соби бенкетують ,
 Покры сонце зайде —
 А ничь-маты пораду дасть :
 Козакъ Ляха знайде.—

Лягло сонце за горою ,
 Зиркы засіялы, —
 А козаки, якъ та хмара,
 Ляхивъ обступалы.

Якъ ставъ мисяць середъ неба,
 Ревнула гармата :
 Прокынулысь Ляшки-панкы —
 Никуды втикаты !
 Прокынулысь Ляшки-панкы ,
 Та й не повставалы :
 Зійшло сонце—Ляшки-панкы
 Поколомъ лежалы.

Червоною гадюкою
 Несе Альта висты,
 Щобъ летилы крюкы зъ поля
 Ляшкывъ-панкывъ йисты —
 Налетилы чорни крюкы
 Ляшенъкывъ будыты.. —
 Зибралося козачество
 Богу помолытысь....
 Закрякалы чорни крюкы,
 Выймаючи очи, —
 Заспивалы Козаченькы
 Писню тыи ночи, —
 Тыи ночи кровавой,
 Що славою стала

Тарасови , козачеству ,
Ляхивъ що прыспала.—

Надъ ричкою въ чыстимъ поли
Могыла чорніе :
Де кровъ текла козацкая ,
Трава зеленіе.
Сыдыть воронъ на могыли ,
Та зъ голоду кряче —

• • • • •
• • • • •

Умовкъ Кобзарь, сумуючы —
Щось руки не грають!...
Кругомъ хлопци, та дивчата
Слизонькы втирають....

Пишовъ Кобзарь по улыци —
Зъ журбы якъ заграе!
Кругомъ хлопци навпрысидкы ,
А винъ вымовляє :
«Нехай буде оттакычкы!
Сыдить , диты , у заннчку ,

А я, зъ журбы, та до шынку,
 А тамъ найду свою жинку,
 Найду жинку, почастую,
 Зъ вороженькивъ покепкую.

VIII.

КАТЕРИНА.

В. А. ЖУКОВСКОМУ.

НА ПАМЬЯТЬ 22 АПРИЛЯ 1838.

1.

Кохайтеса, чорноброви!
 Та не зъ Москалямы, —
 Бо Москали—чужи люды,
 Роблять лыхо зъ вамы.
 Москаль любить жартуючы;
 Жартуючы кыне,
 Пиде въ свою Московщину,

А дивчына гыне...
 Якъ бы сама, щѣбъ ничого,
 А то й стара маты,
 Що родыла на свитѣ Божый,
 Мусыть погыбаты;
 Серце вьяне, спиваючы,
 Колы знае, за що;
 Люды серця не спытають,
 А скажуть «ледащо!»....
 Кохайтеса жь, чорнобрыви,
 Та не зъ Москалямы,
 Бо Москали — чужи люды,
 Сміютця надъ вамы.

Не слухала Катерына
 Ни батька, ни неньки —
 Полюбыла Москалыка,
 Якъ знало серденько,
 Полюбыла молодого,
 Въ садочокъ ходыла,
 Покры себе, свою долю
 Такъ за напастыла. —
 Клыче маты вечеряты,
 А донька не чуе;

Де жартуе зъ Москалькомъ ,
 Тамъ и заночуе...
 Не дви noci кари очи
 Любо цилувала ,
 Покры слава на все село
 Не добрая стала.
 Нехай соби злыи люды
 Що хотять , говорятъ , —
 Вона любить , и не чуе ,
 Що вкралося горе :
 Пришли висты не добрыи —
 Въ походъ затрубылы ,
 Пишовъ Москаль въ Туреччину...
 Катрису накрылы.
 Не чулася , та й байдуже ,
 Що коса покрыта !
 За мылого , якъ спиваты ,
 Любо потужыты.
 Обищався чорнобрывий ,
 Колы не загыне ,
 Обищався вернутыся —
 Тоди Катерына
 Буде соби Московкою ,
 Забудетця горе , —

А помы ще, нехай люды,
 Що хотять, говорятъ —
 Не журитця Катерына!...
 Слизонькы втырае,
 Що дивчата на улиці
 Безъ неї співають.
 Не журитця Катерына? —
 Вмыетця слезою,
 Визьме видра опивночі,
 Пиде за водою,
 Щобъ ворогы небачылы,
 Прыйде до крыныці,
 Стане собі пидъ камыну,
 Заспивае *Грыця*,
 Выспивуе, вимовляє,
 Ажъ колы не плаче,
 Вернулася — и раденька
 Що нихто не бачывъ.
 Нежуритця Катерына? —
 И гадкы не мае!
 У новенькій хустынотці
 Въ викно выглядае,
 Выглядае Катерына...
 Мынуло пивъ року,

Занудыло коло серця,
 Заколело въ боку,
 Нездужае Катерина,
 Ледве, ледве дыше,...
 Вычуняла, та въ запичку
 Дытну колыше,
 А жиночки лыхо дзвонять,
 Матери глузують,
 Що Москалп вертаются,
 Та въ ней ночують.
 — Въ тебе дочка чорнобрыва,
 Та ще й не едина,
 А муштруе у зайичку
 Московського сына....
 Чорнобрывого прыдбала, —
 Мабуть, сама вчыла! —
 — Бодай же васъ, цокотухы!
 Та злыдни побылы! —

.

Катерино, сердце мое!
 Лышенько зъ тобою!

Де ты въ свити подинесся
Зъ малымъ сиротою ?

Хто спытае, прывитае,
Безъ милого, въ свити ?

Батько, маты — чужи люды,
Тяжко зъ нымы жыты! —

Вычуняла Катерына.

Одсуне кватырку,
Поглядае на улыцю,
Колыше дытынку,

Поглядае — не ма, не ма!
Чы тожъ и не буде?...

Пишла бѣ въ садокъ поплакаты,
Такъ дывлятця люды.

Зайде сонце — Катерына

По садочку ходыть,

На рученькахъ носыть сына,

Очыци поводыть :

— Отутъ на муштру выглядала,

Отутъ розмовляла,

А тамъ....а тамъ....сыну! сыну! —

Та й не доказала....

Зеленіють по садочку

Черешни, та вышши,
 Якъ и перше выходила,
 Катерина вышла,
 Выйшла, та вже не спивае,
 Якъ перше спивала,
 Якъ Москаля молодого
 Въ вышникъ дожыдала,
 Не спивае чорнобрыва,
 Клане свою долю,
 А тымъ часомъ, вороженьки
 Чынять свою волю,
 Кують ричи не добры.
 Шо мае робыты! —
 Якъ бы мылый-чорнобрывый —
 Умивъ бы спыныты.....
 Такъ далеко чорнобрывый —
 Не чуе, не бачыть,
 Якъ ворогы сміютця ій,
 Якъ Катруся плаче.
 — Може вбытый чорнобрывый
 За тихымъ Дунаемъ!.....
 А може вже въ Московщыни
 Другую кохое! —
 Ни! чорнявый не убытый —

Видъ живой, здоровый! —
 А де жъ найде таки очи,
 Таки чорни бровы?
 На край свита, въ Московщыни,
 По тимъ боци моря,
 Нема нигде Катерыны —
 Та здалась на горе —
 Вмила маты бровы даты,
 Кари очынята,
 Та не вмила на симъ свити
 Щастя, доли даты,
 А безъ доли биле лычко
 Якъ квитка на поли —
 Пече сонце, гойда витерьъ,
 Рве всякый по воли....
 Умывай же биле лычко
 Дрибными слезамаы —
 Бо вернулысь Москалыкы
 Иншымы шляхамы.

М. Бонин

Сыдыть батько въ кинци стола,
Не руки схылвся,
Не дывитця на свить Божый,
Тяжко зажурився,
Коло його стара маты
Сыдыть на ослони,
За слозамы ледве, ледве
Вымовляе дони:
— Що весилья, доню моя!
А де жъ твоя пара?
Де свитылка зъ друженьками,
Старосты, бояра?
Въ Московщыни, доню моя!...
Иды жъ ихъ шукаты,
Та не кажи добрымъ людямъ,
Що е въ тебе маты.
Проклятый часъ-годыненька,
Що ты народылась!
Якъ бы знала, до схидъ сонця
Було бь утопыла —
Здалась тоди бь ты гадыни,
Теперь Москалеви....

Доню моя, доню моя!
Цвите мій рожевий!
Якъ ягідку, якъ пташечку
Кохала, ростыла
На лышенько.... Доню моя!
Що ты наробыла!.....
Оддячыла!.... Иды жъ, шукай
У Москви свекрухы,
Не слухала ричей моихъ,
То иі послухай.
Иды, доню, найды іи,
Найды, привитайся,
Будь щаслыва въ чужыхъ людяхъ!....
До насъ не вертайся,
Не вертайся, дытя мое!
Зъ далекого краю....
А хто жъ мою головоньку
Безъ тебе сховае?....
Хто заплаче надо мною,
Якъ ридна дытына?....
Хто посадить на могыли
Червону калыну!....
Хто, безъ тебе, гришну душу
Помынаты буде!....

Доню моя, доню моя!
 Дытя мое любе!
 Иды одъ пасъ! — Ледве, ледве
 Поблагословила:
 — Богъ съ тобою! — та якъ мертва
 На дилъ повалылась. —
 Обизвався старый батько:
 — Чого ждешь, небого? —
 Зарыдала Катерына,
 Та бухъ йому въ ноги:
 — Просты мени, мій батечку!
 Шо я наробыла,
 Просты мени, мій голубе,
 Мій соколе мылий! —
 — Нехай тебе Богъ прощае,
 Та добрыи люды,
 Молись Богу, та йды соби —
 Мени легше буде. —
 Ледве встала, поклонылась,
 Выйшла, мовчки, зъ хаты —
 Осталыся сиротамы
 Старый батько іі маты.
 Пишла въ садокъ у вышневий,
 Богу помолылась,

Взяла земли пидъ вышнею,
 На хрестъ почепыла,
 Промовыла—не вернуса!
 Въ далекому краю,
 Въ чужу землю, чужи людѣ
 Мене заховають,
 А своей ся крыхотка
 Надо мною ляже,
 Та про долю, мое горе,
 Чужымъ людямъ скаже.....
 Не розказуй, голубонько!
 Де бѣ ни заховалы,
 Щобъ гришнои на симъ свити
 Людѣ не займалы....
 Ты не скажешъ.... Ось хто скаже,
 Що я його маты....
 Боже ты мій!.... Дыхо мое!....
 Де мени сховатись!....
 Заховаюсь, дытя мое!
 Сама пидъ водою,
 А ты грихъ мій спокутуєшь
 Въ людяхъ сыртою,
 Безбатьченкомъ!....

Пшла селомъ,

Плаче Катерина,
На голови хустиночка,
На рукахъ дытна;
Выйшла зъ села, — серце ние,
Назадъ подывылась,
Покывала головою,
Та й заголосила,
Якъ тополя, стала въ поли,
При бытії дорози,
Якъ роса та до схида сонця,
Покапала слезы;
За слезами, за гиркымы
И свита не бачыть,
Только сына прыгортае,
Цилуе, та плаче,
А воно, якъ янгелятко,
Ничого не знае,
Маленькымы ручыцями
Пазухы шукае....
Сило сонце; зъ за дибровы
Небо червоніе,
Утерлася, повернулась,
Пишла.... только мріе.
Въ сели довго говорыли

Дечого багато,
 Та не чулы вже тыхъ ричей
 Ни батько, ни маты....

Оттаке то на симъ свити
 Роблять людамъ люды —
 Того вяжуть, того рижуть, —
 Той самъ себе губыть, —
 А завищо — Святыі знае!..
 Свись, бацьця, шырокий, —
 Та не ма де прыхылытця
 Въ свити одынокымъ;
 Тому доля запродала
 Одъ краю до краю,
 А другому оставыла
 Те, де заховають.
 Де жъ ти люды, де жъ ти добри,
 Шо серце збпралось
 Зъ нымы жыты, ихъ любыты?
 — Пропалы, пропалы! —

Есть на свити доля --
 А хто іі знае!....
 Есть на свити воля —

А хто іи мае?...
 Есть люды на свити —
 Срибломъ, злотомъ ссяють,
 Здаецця, панують —
 А доли не знають!
 Ни доли, ни воли!...
 Зъ нудьгою, та горемъ
 Жупанъ надивають,
 А плакаты — соромъ....
 Возьмить срибло, злото,
 Та будьте багати,
 А я возьму слъозы —
 Лыхо выльваты....
 Затоплю недолю
 Дрибными слъозамы,
 Затопчу неволю
 Босымы ногамы, —
 Тоди я веселый,
 Тоди я багатый,
 Якъ буде серденько
 По воли гуляты....

Крычать совы, спить дїброва,
Зиронькы сіяють,
По надъ шляхомъ, щырыцею,
Ховряшкы гуляють,
Спочывають добри люды,
Кого що втомыло —
Кого щастя, кого слъозы —
Все ничка покрыла,
Всїхъ покрыла темнїсїнька,
Якъ дїточокъ маты —
Де жъ Катрусю прыгорнула?
Чы вѣ лїси, чы вѣ хати?
Чы на поли, пидѣ копою,
Сына забавляє?
Чы вѣ дїброви, зѣ пидѣ колоды,
Вовка выгледае?....
— Бодай же васъ, чорни бровы,
Никому не маты,
Колы за васъ таке лыхо
Треба одбуваты!
А що дальше спиткаетця?....
Буде лыхо, буде!

Зостринутця жовти писки
И чужіи люды,
Зостринетця зима люта....
А той — чы зострине,
Що пизнае Катерыну,
Прывитае сына?....
Зъ нымъ забула бѣ чорнобрыва
Шляхы, писки, горе:
Винъ, якъ маты, прывитае,
Якъ братъ заговорыть....
Побачымо, почуемо!
А помы — спочыну,
Та тымъ часомъ, распытаю
Шляхъ на Московщыну. —
Далекый шляхъ, паныбраты!
Знаю його, знаю!
Ажъ на серци похолоне,
Якъ його згадаю.
Попомиравъ и я колысь,
Шобъ його не мирять!
Росказавъ бы про те лыхо,
Та чы то жь повирять!
— Бреше, скажуть, сякый-такый!
(Звычайно, не въ очи)

А такъ тилько, псуе мову,
 Та людей морочыть. —
 Правда ваша, правда люды!
 Та й на що те знаты,
 Що слъозамы передъ вами
 Буду выльваты!...
 На що воно!... У всякаго
 И свого чымало, —
 Цуръ же йому!... а тымъ часомъ,
 Кете лышь кресало,
 Та тютюну, — щобъ, знаете,
 Дома не журылысь,
 А то лыхо розказувать,
 Щобъ брыдке прыснлось!
 Нехай його лыхий возьме!
 Лучче жъ помиркую,
 Де то моя Катерыца
 Зъ Ивасемъ мандруе.

За Кыевомъ, та за Днипромъ,
 По пидъ темнымъ гаемъ,
 Идутъ шляхомъ чумаченькы,
Пугага спивають;
 Иде шляхомъ молодця, —

Мусыть буты съ прощя.
Чого жъ смутна, не весела?
Заплакаши очи?
У латаній свытотци,
На плечахъ торбына,
Въ руци ципокъ, а на другій
Заснула дытына.
Зострилася съ чумакамы,
Закрыла дытыну,
Пытаецця: — люды добри!
Де шляхъ въ Московщину? —
— Въ Московщину? Отцей самый.
Далеко, небого? —
— Въ саму Москву. Хрыста рады
Дайте на дорогу!
Бере шага, ажъ трусытця —
Тяжко, його браты!
Та й на вищо?.... А дытына!....
Вона жъ його маты....
Заплакала, пишла шляхомъ,
Въ Броваряхъ спочыла,
Та сынови за гиркого
Медяныкъ купыла....
Довго, довго сердешная

Все йшла, та пытала,
 Було таке, що й пидъ тыномъ
 Зъ сыномъ ночувала....

Бачь, на що здалися кари очынята —
 Щобъ пидъ чужымъ тыномъ слъозы выль-
 вать!....

Ото жъ-то дивитця, та кайтесъ, дивчата,
 Щобъ не довелося Москаля шукать,
 Щобъ не довелося, якъ Катря шукае —
 Тоди не пытайте, за що люди лають,
 За що не пускають въ хату ночувать,
 Не пытайте, чорноброви, —
 Бо люди те знають,
 Кого Богъ кара на свити, —
 То й воны карають!

Люды гнутця, якъ ти лозы,
 Куды витеръ віе.
 Сыротыни сонце свитыть,
 Свитыть — та не гріе....
 Люды бъ сонце заступылы,
 Якъ бы малы сыду,
 Щобъ сыроти не свитыло,
 Слъозы не сушыло....

А за вищо, Боже мый!
 За що свитомъ нудыть?
 Що зробыла вона людамъ?
 Чого хотять люды?
 Щобъ плакала!... Серце мое!
 Не плачь, Катерино!
 Не показуй людамъ слезы,
 Терпы до загыну,
 А щобъ лычко не маршило,
 Съ чорными бровами,
 До схидъ сонця, въ темнимъ лиси,
 Умыйся слезами,
 Умыешся, не побачуть,
 То й не засміютця,
 А серденько одпочыне,
 Поки слезы льютця.

.....

Отаке то лыхо бачите дивчата
 Жартуючи кинувъ Катрусю свою

.....

.....

Дежъ Катруся блудыть?....
 По пидъ тынюю ночувала,
 Раненько вставала,
 Поспишала въ Московщину.
 Ажъ — гулькъ: зима внала:
 Свыще полемъ заверюха —
 Иде Катерына
 У лычакахъ... лыхо тяжке!
 И въ одній свытыни,
 Иде Катря, шкандыбае,
 Дывытця — щось мріе....
 Лыбонь идуть Москалыкы....
 Лыхо!... сердце мліе....
 Полетила, зострилася,
 Пыта — чы не мае
 Мого Ёвана чорнявого? —
 А ти — мы не знаемъ. —
 И звычайно, якъ Москали,
 Сміютця, жартуютъ:
 — Ай, да баба! ай да наши!
 Кого не надуютъ! —
 Подывылася Катерына:
 — И вы, бачу, люды!
 Не плачь, сыну — мое лыхо!

Що буде, той буде! —
 Пиду дальше — (більшь) ходыла,
 А може й зострину,
 Оддамъ тебе, мій голубе,
 А сама загыну. —
 Рече, стогне хуртовына,
 Котыть, верне полемь;
 Стоить Катря середъ поля,
 Дала слюзамъ волю.
 Утомылась заверюха,
 Де-де позихае:
 Ще бѣ плакала Катерына,
 Та слюзъ билшь не мае...
 Подывылась на дытыну —
 Умыте слюзозю,
 Червоніе, якъ квіточка,
 Вранци пидъ росюю...
 Усмихнулась Катерына,
 Тяжко усмихнулась,
 Коло серця, якъ гадина,
 Чорна повернулась;
 Кругомъ, мовчки, подывылась —
 Бачыть — лисъ чорніе,

А пидъ лисомъ, край дороги,
 Лыбонь куринь мріе.
 — Ходимъ, сыну! смеркаетця,
 Колы пустять въ хату,
 А не пустять — то й на двори
 Будемъ ночуваты;
 Пидъ хатою заночуемъ,
 Сыну мій, Иване!
 Дежъ ты будешъ ночуваты,
 Якъ мене не стане?....
 Зъ собаками, мій сыночку!
 Кохайся на двори —
 Собаки зли — покусаять,
 Та не заговорять,
 Не роскажуть, сміючыся....
 Съ псами йсты й пыты!
 Бидна моя головонько!
 Що мени робыты!....
 Сырота собака маеть свою долю.

.....

.....

Реве, свыще заверюха,

По лису завыло,

Якъ те море, биле поле

Снигомъ покотылось.

Выйшовъ зъ хаты карбивнычый,

Щобъ лисъ оглядиты,

Та де тоби! Таке лыхо,

Що не видно й свита.

— Эге, бачу! яка фуга!

Цуръ же йому зъ лисомъ,

Питы въ хату.... Що тамъ таке?...

Отъ ихъ достобиса!

Недобра ихъ розносыла,

Мовъ, справды, за диломъ!

Нычypе! дывысь лышень,

Яки побилилы! —

— Що? Москали? — Де Москали? —

— Що ты! Єхамеңыся! —

— Де Москали-лебедыкы?... —

— Та онъ, подывыся. —

Полетела Катерына

И не одяглася.

— Мабуть, добре Московщына

Въ тямку ій далася!

Бо у ночи тилькы і знае,

Що Москаля клыче. —

Черезъ пенъкы, заметамы

Летыть, ледве дыше,

Боса стала середъ шляху,

Втерлась рукавами,

А Москали ій назустрічь,

Якъ одынъ, верхамы.

— Лыхо мое, доле моя! —

До ихъ колы гляне —

По переду старшый иде.

— Любый мій Иване!

Серце мое коханее!

Дежъ ты такъ барывся! —

Та до його, за стремяна, —

А винъ подывывся,

Та шпорама коня въ боки.

— Чого жъ утикаешъ ?
 Хиба забувъ Катерину ?
 Хиба не пизнаешъ ?
 Подивыся, мій голубе !
 Подивысь на мене —
 Я Катруся твоя люба.
 На що рвешъ стремена ? —
 А винъ коня поганяе,
 Нибыто й не бачыть.
 — Пострывай же, мій голубе !
 Дывысь — я не плачу ;
 Ты не пизнавъ мене, Іване ;
 Сердце ! подивыся,
 Ей же Богу ! я Катруся ! —
 — Дура, отвяжися !
 Возьмите прозь безумную. —
 — Боже мій !... Иваею !
 И ты мене покыдаешъ !
 А ты жъ прысягався ! —
 — Возьмите прозь ! — Что жъ вы стали ! —
 — Кого ? мене взяти ?...
 За що жъ, скажи, мій голубе !
 Кому хочъ оддаты
 Свою Катрю, що до тебе

Въ садочокъ ходыла,
 Свою Катрю, що для тебе
 Сына породыла?...
 Мій батечку, мій братику!
 Хочь ты не цурайся!
 Наймычкою тобі стану...
 Зъ другою кохайся,...
 Зъ цылымъ свитомъ.... я забуду,
 Що колысь кохалысь,
 Що одъ тебе сына мала,
 Покрыткою стала,...
 Покрыткою.... який соромъ!
 И за що я гыну!...
 Покрынь мене, забудь мене,
 Та не кыдай сына.
 Не покынешь?... Серце мое,
 Не втикай одъ мене —
 Я вынесу тобі сына. —
 Кынула стремена,
 Та въ хатыну, — вертаетця,
 Несе йому сына;
 Не сповыта, заплакана
 Сердешна дытына.
 — Ось-де воно, — подывыся!

Дежъ ты заховався?
 Утикъ.... не ма!... Сына, сына
 Батько одцурався....
 Боже ты мій!... Дытя мое!
 Де динусь зъ тобою?...
 Москалыкы! голубчыкы!
 Возьмить за собою,
 Не цурайтесь, лебедыкы!
 Воно сыротына,
 Возьмить його, та оддайте
 Старшому за сына,...
 Возьмить його.... Бо покыну,
 Якъ батько покынувъ, —
 Бодай його не кыдала
 Лыхая годына!...
 Грихомъ тебе на свить Божый
 Маты породыла —
 Выростай же, на смихъ людамъ! —
 На шляхъ положила.
 — Оставайся шукать батька,
 А я вже шукала.... —
 Та въ лисъ, зъ шляху, якъ нависна,
 А дытя осталось,...
 Плаче, бидне! — А Москалямъ

Байдуже — минулы.
 Воно й добре, та на лыхо
 Лиснычи почулы...

Бига Катря боса лисомъ,
 Бига, та голосыть,
 То проклына своего Йвана,
 То плаче, то просыть,
 Выбигае на вмізисся —
 Кругомъ подывылась,
 Та въ яръ.... бижить,... середъ ставу
 Мовчки опынылась....
 — Прыймы, Боже! мою душу,
 А ты мое тило. —
 Шубовсть въ воду! По пидъ льодомъ
 Геть загуркотило....

Чорнобрыва Катерына
 Найшла, що шукала, —
 Дунувъ витерьъ нодъ надъ ставомъ —
 И слиду не стало,
 То не витерьъ, то не буйный,
 Що дуба ламае, —
 То не лыхо, то не тяжке,

Що маты вмирае,
 Не сироты мали диты,
 Що неньку сховали —
 Имъ зосталась добра слава,
 Могила зосталась;
 Засміютьця зліи люды
 Малій сиротыни:
 Вылье слёзы на могылу —
 Серденько спочыне....
 А тому, тому на світи,
 Що йому зосталось,
 Кого батько и не бачывъ,
 Маты одцуралась?...
 Що осталось.....?
 Хто зъ нымъ заговорыть?...
 Ни родыны, ни хатыны, —
 Шляхы, пскы, горе....
 Паньске лычко, чорни бровы
 На що? — Щобъ пизналы!...
 Змальовала, не сховала —
 Бодай полынялы!...

Ишовъ Кобзарь до Кьева,
 Та сивъ спочываты ;
 Торбынкамы обвишаный,
 Його повожатый,
 Мале дытя, биля його
 На сонци куняе,
 А тымъ часомъ, старый Кобзарь
 Исуса спивае.
 Кто йде, йиде — не мынае,
 То бублыкъ, то гроши ;
 Кто старому, — а дивчата
 Шажокъ михоноши.
 Задывлятця чорноброви —
 — И босе; и голе!
 Дала, кажуть, бровынята,
 Та не дала доли!

Йиде шляхомъ до Кьева
 Берлынъ шестернею,
 А въ Берлыни господня,

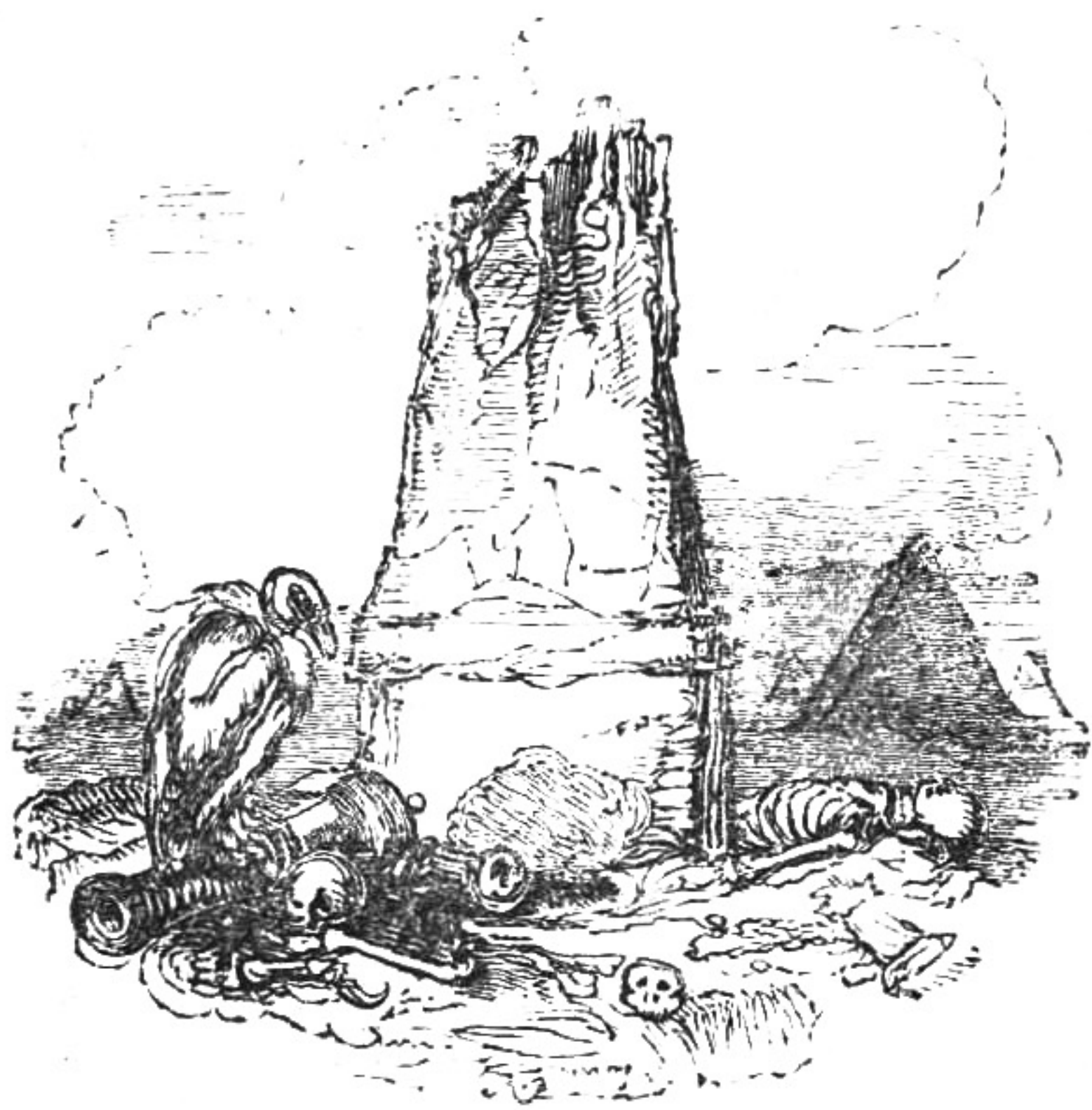
Съ паномъ и симъею,
 Опынввся протывъ старцивъ,
 Курява лягае, —
 Побигъ Ивась, бо зъ виконця
 Рукою махае;...
 Дае гроши Ивасеви,
 Дьвуетця пани,
 А панъ глянувъ, ... одвернувся....
 Пизнавъ, препоганый,
 Пизнавъ тїи кари очи,
 Чорни бровынята,
 Пизнавъ батько свого сына....
 Та не хоче взяти.
 Пыта пани — якъ зоветця?
 — Ивась. — *Какой милый!*—
 Берлынъ рушивъ, а Ивася
 Курява покрыла.
 Поличылы, що досталы,
 Всталы сиромахи,
 Помолылысь на схидъ сонця,
 Пишлы по надъ шляхомъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стра.
I. <i>Думы мои, думы мои</i>	4
II. <i>Перебендя</i>	11
III. <i>Тополя</i>	15
IV. <i>Думка</i>	26
V. <i>До Украинского пысакы</i>	28
VI. <i>Иванъ Пидкова</i>	32
VII. <i>Тарасова Ничь</i>	36
VIII. <i>Катерына</i>	42

2. Mill Bo = 4 1/2
4 1/2 = 4 1/2